

ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА: Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ И В.И. ЛАМАНСКИЙ

Алексей Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье анализируются взгляды представителей позднего славянофильства Н.Я. Данилевского и В.И. Ламанского, отмечается их общность и предпринимается попытка проследить возможные линии взаимного влияния. Высказывается предположение, что Данилевский начал работу над книгой «Россия и Европа» после знакомства и бесед с Ламанским в конце 1864 или в начале 1865 г. Прослеживаются общие положения, встречающиеся в работах Данилевского и Ламанского. Акцентируется внимание на публикациях Ламанского 1865–1867 гг., в которых он высказывал идеи, нашедшие отражение в «России и Европе», что дает основание признать влияние Ламанского на становление взглядов Данилевского. В этих публикациях Ламанский указывал на два условия, необходимых для выработки самобытной культуры: политическую независимость и развитый литературный язык; об этом пишет и Данилевский, формулируя первые два закона культурно-исторических типов. Оба мыслителя писали о различии исторического возраста двух цивилизаций: романо-германской и греко-славянской. Отмечается сходство их идей и в более поздних работах. Однако представления Данилевского и Ламанского о политической конфигурации славянской цивилизации не совпадали: если первый писал о всеславянском союзе, то второй предлагал отложить решение вопроса о политической форме нового культурно-исторического типа до того момента, пока не произойдет культурное сближение между славянскими народами, в основе которого должно лежать принятие славянами русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического.

Ключевые слова: славянофильство, Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский, цивилизационный подход, культурно-исторический тип.

The article analyzes the views of the representatives of late Slavophilism N.Ya. Danilevsky and V.I. Lamansky, notes their commonality and attempts to trace possible lines of mutual influence. It is suggested that Danilevsky began work on the book *Russia and Europe* after his acquaintance and conversations with Lamansky in late 1864 or early 1865. The general provisions found in the works of Danilevsky and Lamansky are traced. The analysis of Lamansky's publications of 1865–1867, in which he expressed ideas that were reflected in *Russia and Europe*, gives grounds to recognize a certain influence of Lamansky on the formation of Danilevsky's views. In these publications Lamansky described the two conditions necessary for the development of an original culture: political independence and a developed literary language; Danilevsky also wrote about this, formulating the first two laws of cultural-historical types. Both thinkers wrote about the difference in the historical age of the two civilizations: Romano-Germanic and Greco-Slavic. The similarity of their ideas is also noted in their later works. However, Danilevsky's and Lamansky's ideas about the political organization of Slavic civilization did not coincide completely: while the former wrote about an all-Slavic union, the latter proposed to postpone the solution of the question of the political form of the new cultural-historical type until the cultural rapprochement between the Slavic peoples took place. It was believed that this could only be achieved in case all Slavs agreed to use Russian as a common literary, scientific and diplomatic language. The author concludes that there was the mutual influence of the two thinkers on each other, as a result of which the theory of local civilizations was created.

Keywords: Slavophilism, N.Ya. Danilevsky, V.I. Lamansky, civilisational approach, cultural-historical type.

У сильного всегда будут друзья, настолько верные и искренние, поскольку и поколе он силен и силу свою разумеет. Россия должна не плакаться и не думать, что у нее нет друзей, а, напротив того, ежечасно заявлять, что у нее друзей и союзников много, только свиснуть, что каждый де за честь почтет стать ее другом.

Из дневника В.И. Ламанского, 22 мая 1889 г.

В 1915 г. профессор Варшавского университета Ф.Ф. Зигель, занимавший кафедру истории славянских законодательств, писал в рецензии на книгу К.Я. Грота «Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и русских исторических изучениях», что «автор кладет в основание своего труда положение знаменитого нашего слависта В.И. Ламанского о противоположности и борьбе западно-германского и греко-славянского миров. Это блестящее обобщение было затем воспринято в выдающемся сочинении Данилевского «Россия и Европа» [13, с. 360]. Действительно, среди русских славистов бытовало мнение о первородстве идей В.И. Ламанского, развитых затем Н.Я. Данилевским. Необходимо заметить, что большинство отечественных славистов, включая Ф.Ф. Зигеля и К.Я. Грота, были учениками Ламанского, хотя сам Ламанский никогда не настаивал на приоритете своих взглядов. В историю славяноведения Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) вошел как основатель «исторической школы» [3, с. 378–431]. Будучи профессором славянской филологии, он сосредоточился на преподавании истории славянских народов, что в итоге способствовало отделению истории славянских стран от славянской филологии и становлению ее в качестве самостоятельной научной дисциплины. По словам К.Я. Грота, «он был одним из главных создателей исторического направления славянских изучений в России и образовал целую школу русских славистов, преимущественно историков» [9, с. 33]. Впрочем, влияние Ламанского и известность его произведений у соотечественников не стоит переоценивать. Оно было минимальным. Приведу свидетельство одного современника, утверждавшего в статье, посвященной юбилею Ламанского, что «нынешнее русское общество его не знает, не может оценить его самостоятельно. Оно знает его разве только по его широкой популярности как профессора, как создателя целой школы славяноведов» [8, с. 1]. Примечательно, что автор ставит Ламанского в один ряд с Н.Я. Данилевским, правда, опять же признавая неподготовленность русского общества к восприятию его идей: «Голос В.И., подобно многим другим единичным голосам, был голосом вопиющего в пустыне... Он тщетно звал общество, обличал его грехи и увлечения, указывал ему пути, как это делали иногда первые славянофилы, или такие сильные люди, как Достоевский, И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, но общество наше в своей массе или спало и оставалось бесчувственно и глухо, или продолжало неистово увлекаться теми призрачными и чуждыми нам формами социальной и политической свободы, которыми его дразнили европейский Запад и сознательно коварно соблазняли враги России» [8, с. 6]. Прошедшее после цитируемой публикации столетие не сильно изменило картину. Ламанского в нынешней России знают едва ли не меньше, чем при его жизни.

Славянофильские убеждения Ламанского сформировались достаточно рано, еще в студенческие годы, пришедшиеся на период Крымской войны. Патриотический подъем, сменившийся военно-политическим поражением и национальным унижением, последовавшие затем реформы нового царствования способствовали восприятию Ламанским либеральной версии славянофильства (требование свободы слова и совести, отмены крепостного права, бессословного государства). «Начало активной научной и общественной деятельности В.И. Ламанского, – пишет О.В. Саприкина, – совпало с ослаблением консерватизма и проявлением либеральных тенденций в первый период царствования Александра II, с усилением политической заинтересованности Российской империи во взаимоотношениях с зарубежными славянскими народами; эти обстоятельства определили не только направление деятельности ученого, но и сущность его теоретических построений, сосредоточенных на размышлениях о современном состоянии и дальнейшей судьбе “славянской цивилизации”» [6, с. 278]. На кафедру славянской филологии Петербургского университета он вступил в 1865 г. уже убежденным славянофилом, выведившим становление отечественного славяноведения из праксиса «московского кружка». Во вступительной лекции он отмечал: «Говоря об успехах Славистики в России, не могу умолчать о деятельности М.П. Погодина и той Московской школы, которая у нас известна под именем славянофилов. Хомяков, Киреевский, К. Аксаков и др., сами не оставили никаких строго ученых трудов в области Славистики, но они имели огромное влияние на ее успехи своими изданиями (Валуевский, Московский Сборники, Русская Беседа и пр.), своим смелым обличением жалкого умственного бессилия, на которое добровольно обрекло себя Русское общество, вследствие своего подражательного направления и Молчалинского отношения к Западу: “как нам сметь свое суждение иметь”. Хомяков занимает сверх того очень важное место в истории панславистических идей. У Славян Южных и Западных его имя пользуется общею сочувственною известностью: Словаки справедливо его назвали пророком Славянства» [15, с. 2]. Эта точка зрения закрепилась среди учеников Ламанского, поэтому не случайно уже в начале XX в. К.Я. Грот писал, что «развитие и распространение славянофильского учения плеядой талантливейших и блестящих московских мыслителей и писателей, каковы: Хомяков, братья И. и П. Киреевские, братья К. и И. Аксаковы, Д. Валуев, Елагин, Ю. Самарин и др. и их петербургских последователей (Н.Я. Данилевского, Н.Н. Страхова, К.Н. Бестужева-Рюмина, М.О. Кояловича) самым решительным образом повлияли на ход и успехи, а отчасти и направление славянских изучений и оказали существенную услугу развитию русского славяноведения» [9, с. 32]. Как видно, славянофилы, в том числе Данилевский, напрямую связывались Ламанским и его учениками со славистикой, которая стала сферой их профессиональной деятельности. Славянофильство возникло в Москве на исходе 1830-х гг. и окончательно сложилось и окрепло в московских кружках и салонах 1840–1850-х гг., когда Данилевский, а тем более его младший современник Ламанский еще только делали первые шаги в науке. Данилевский и Ламанский принадлежали уже другому поколению национальных мыслителей и принадлежали петербургскому славянофильству [1].

В преподавании Ламанский отдавал предпочтение истории славянских народов, поэтому и большинство его учеников посвятили себя историческим исследованиям, что позволило уже современникам говорить об «исторической школе». Однако, лекционные курсы Ламанского не были опубликованы, за исключением редких литографированных изданий. Ученики неоднократно призывали его подготовить к печати лекции, но до этого дело так и не дошло. Если же проанализировать основные опубликованные труды Ламанского, то его подход вернее будет назвать не историческим, а цивилизационным. В этом он теснее всего сходил с Данилевским. В исследовательской литературе Ламанский и Данилевский, либо объединялись как представители наднационального дискурса [5], либо подход Ламанского рассматривался в качестве переосмысления идей Данилевского [4]. Разница в возрасте, казалось бы, не должна вызывать сомнений в направлении возможных заимствований, хотя это и не столь очевидно. Вопрос о возможном влиянии и совпадении некоторых принципиальных положений в концепции Данилевского и Ламанского уже поднимался в историографии, однако существующая литература не дает на него однозначного ответа [2; 7].

Публикации самого Ламанского, переписка, свидетельства современников позволяют отчасти проследить их взаимные отношения. Надо признаться, что сохранившиеся сведения очень фрагментарны. Вероятно, между учеными не сложилась даже регулярная переписка. Примечательно, что за двадцать лет общения в архивном фонде Ламанского отложились всего два письма Данилевского. В первом из них Данилевский приглашал Ламанского прийти к Георгиевскому для обсуждения своей статьи, «что полезно в ней будет опустить или изменить» [35, л. 3], а во втором письме, датированном 31 января 1885 г., благодарил за присылку книги «Государственные тайны Венеции». Второе письмо, содержащее интересные размышления Данилевского, опубликовано в статье С.В. Селиверстова [7, с. 122–123].

Более чем десятилетняя разница в возрасте не способствовала раннему сближению Ламанского и Данилевского. Сначала Данилевский познакомился со старшими братьями Владимира Ивановича, Порфирием и, вероятно, Евгением, посещавшими кружок М.В. Буташевича-Петрашевского. Правда, в отличие от Порфирия, Евгений Ламанский был на пятницах у Петрашевского раз или два. В конце апреля 1849 г. дома у Ламанских прошел обыск, а Порфирий и Евгений были арестованы. Евгений Иванович Ламанский впоследствии стал крупнейшим русским экономистом, одним из основателей и первых управляющих Государственного банка. Данилевский, как известно, был автором политико-экономического трактата, впервые напечатанного в «Русском вестнике» в 1882 г. Неизвестно, поддерживали Данилевский и Е.И. Ламанский личные отношения после разгрома кружка петрашевцев, но, по крайней мере, можно зафиксировать близость их научных интересов. Когда началось следственное дело петрашевцев Владимиру Ламанскому не было и 16 лет, а когда он учился в университете, Данилевский находился в ссылке. С.В. Селиверстов считает, что, упоминая в речи на докторском диспуте о фурьеристах 1848–1849 гг., Ламанский имел в виду Данилевского [7, с. 129] и, соответственно, мог быть знаком с ним еще через своих братьев.

В письмах и дневниках Владимира Ивановича не зафиксирован факт его первого знакомства с Данилевским. После смерти Данилевского в одном из выступлений в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе он вспоминал, что «Данилевский, дружелюбным вниманием которого я стал пользоваться со времени нашего знакомства, с половины 60-х годов, знакомил меня с своим великолепным произведением еще в рукописи, когда оно у него обдумывалось и писалось. С покойным Гильфердингом, Данилевским, генералом Фадеевым, Тютчевым, Аксаковым, которых всех, и не без основания, называли на Западе панславистами, я проводил бывало много часов в беседах о различных вопросах славянских и о разных фазисах восточного вопроса» [22, с. 557]. Осенью 1864 г. Ламанский вернулся в Петербург после продолжительной заграничной командировки, обогатившей его не только новыми впечатлениями и наблюдениями, но и пониманием реального положения современного славянства. Если первые работы Ламанского, прежде всего магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859), были плодом его архивных разысканий, кабинетных раздумий и романтического восприятия славянства, то теперь его взгляды приобрели явно более прагматический оттенок. Можно предположить, что знакомство с Данилевским состоялось в конце 1864 или начале 1865 г. К этому времени у Ламанского не только в общих чертах сложилась его философско-историческая концепция о цивилизационном антагонизме греко-славянского и романо-германского миров, но и накопился большой объем фактических (исторических и политических) сведений, требующих осмысления с точки зрения этой концепции.

Некоторые публикации Ламанского той поры отчасти позволяют проследить круг идей, который он мог озвучивать в беседах с Данилевским. Прежде всего, это историческое и культурное противоборство романо-германского и греко-славянского миров, т.е. России и Европы. Конфронтационная идеология представлена у Ламанского не в меньшей степени, чем у Данилевского. В публикациях 1864–1865 гг. он разрабатывал учение о *языковой игемонии* и использовал понятие *всемирно-исторический вид*, которое, впрочем, не закрепилось в учении Ламанского. Языковая игемония, полагал он, является условием самобытного развития славянских народов и формирования славянства как «всемирно-исторического вида». Развитый и богатый литературный язык, согласно Ламанскому, служит первым показателем самобытной культуры или цивилизации. В текстах Ламанский употребляет не только выражения *всемирно-исторический вид* и *греко-славянский мир*, но и *образованность*, которые используются в качестве синонимов цивилизации. Возможно, не случайно первый закон культурно-исторического типа у Данилевского гласит о необходимости иметь отдельный язык или группу близких друг другу языков, в качестве условия формирования цивилизации¹. Ламанский при этом уточнял, что важна не только близость

¹ «Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою для того, чтобы средство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, составляет са-

языков, но и доминирование одного из наречий, которое возьмет на себя роль общего литературного, научного и дипломатического языка. Преобладание же одного языка (наречия) обусловлено его литературным развитием, т.е. наличием богатой литературной традиции, имеющей уже всечеловеческое значение. Иными словами, гегемония должна принадлежать тому языку, который можно признать всемирно-историческим. Для греко-славянского мира таким языком, был уверен Ламанский, должен стать русский язык. Приведу иллюстрирующую и уточняющую цитату: «В отношении языка человеческий род отличается величайшим разнообразием, которое с течением времени не уменьшается, а увеличивается в огромных размерах. Без противодействия этому стремлению языков удаляться от своего первоначального вида, раздробляться на множество различных наречий, поднаречий и говоров, человечество навсегда было бы обречено на застой, взаимную вражду и полное подчинение самым грубым и мелочным интересам. Для противодействия этому разрушительному естественному анализу, история человечества вызвала *игемонию*, искусственное предпочтение известных наречий, так сказать создала особую аристократию между языками... *игемония* известных языков или наречий есть великое благо истории, неперемнное условие и первое требование прогресса, ибо без этой спасительной игемонии человечество дошло бы до того, что на всем земном шаре каждая группа в несколько сот тысяч душ, имела бы свой собственный язык, и не понимала бы другой, ей соседней группы. Если бы языки, наречия, поднаречия и говоры пользовались автономиею и равноправностью, то не было бы науки, образованности... История не знает ни одного народа и языка без более или менее значительного разнообразия диалектов. Игемония того или другого диалекта является единственным оплотом против вредного влияния этого разнообразия на успехи гражданственности и образованности» [19, с. 17–18]. Для Ламанского не только развитие, но и гегемония одного языка (наречия, диалекта, если речь идет о близких языках) создает условия для формирования самобытной культуры. «Славянские разновидности могут – и идут к тому, чтобы – сложиться в один всемирно-исторический вид, ибо кроме русского языка, ни одно из восьми наречий славянских с своими словесностями и не может избавить эти восемь славянских народностей от жалкого, зависимого положения от иноплеменных влияний», – писал он в той же работе [19, с. 91].

Выражение *всемирно-исторический вид* не получило у Ламанского дальнейшей разработки. В исследованиях середины 1860-х гг. и в более поздних публикациях он предпочитал проводить различие между народностью и нацией, понимая под последней носителя самобытной культуры, т.е. придавая ей смысл, близкий понятию культурно-исторический тип. Тот факт, что в состав культурно-исторического типа могут входить несколько народов, даже разных народов, не смущал Ламанского, поскольку он неоднократно подчеркивал, что все крупные нации сложились в результате соединения многих народностей. Понятие нации ис-

мобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества» [10, с. 77].

пользовалось Ламанским в значении близком *политической нации*. Нация формируется только при наличии богатого литературного языка и политической независимости. «Не всякая народность есть и может быть нацией, рассуждал он... ибо народы бывают нациями только при двух условиях – богатой литературе и самостоятельной образованности с одним выработанным письменным языком и при независимом государственном бытии» [16, с. 680]. В приведенной цитате важно фактическое совпадение мыслей Ламанского, высказанных в 1864 г., с формулировкой первых двух законов культурно-исторического типа Данилевского (отдельное государство и язык или группа близких друг другу языков)¹.

В 1865 г. Ламанский приступил к занятиям в университете. В 1867 г. фрагменты его лекционного курса были опубликованы в журнале «Министерства народного просвещения». В них он, в частности, прослеживал различия греко-славянской и романо-германской цивилизации по историческому возрасту, этнографическим стихиям, образовательным орудиям (прежде всего, языкам) и нравственным идеалам. В «России и Европе» Данилевский, как известно, тоже обозначал отличия романо-германского культурно-исторического типа и нарождающегося славянского типа: нравственные, этнографические и различия хода и условий исторического воспитания народа [10, с. 145 и др.]. В книге Данилевский также неоднократно указывал на разницу исторического возраста европейской и славянской цивилизации. Поскольку взгляды Данилевского известны в значительно большей степени, чем точка зрения Ламанского, то приведу лишь высказывания и пояснения последнего. Он полагал, что славяне, как исторический народ, могут быть моложе романских и германских народов на 8–9 столетий или, по крайней мере, на 5–6 веков. «Таким образом, – уточнял он в лекциях, – разность исторических возрастов составляет одно из главнейших различий римско-немецкой и славянской Европы или России. Если история начинается у кельтов с IV–III, а у германцев со II в. до Р.Х. или по крайней мере с первых годов нашей эры, то у части славян южных и западных – собственно только с VI в. по Р.Х. Начало христианской церкви и государственности относится у кельтов ко II, у германцев к IV–V в., а у славян к половине IX в. Таким образом можно сказать без преувеличения, что нынешний XIX в. есть для нас собственно то, чем был для романо-германской Европы XIV–XV в. Если Россия не дала человечеству Шекспира, Сервантеса, Галилея и Кеплера, Ньютона и Лейбница, Лапласа и Канта, то это вовсе не потому, что *не может*, а потому что *еще не могла* иметь их» [28, с. 127]. Схожие рассуждения содержатся и в докторской диссертации Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», впервые опубликованный в журнале «Заря» в 1870 г. Данилевский же полагал, что славянский культурно-исторический тип моложе европейского на 4–5 веков² и незначительные результаты славян

¹ «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью» [10, с. 77].

² «Что касается вообще до возраста славянской культуры, взятого сравнительно с возрастом европейской, то промежуток времени, протекший с выступления германских народов из периода их этнографической жизни в период исторический, превос-

в области науки и искусства вызваны тем, что для этого еще не пришло время. Однако, замечал Данилевский, успехи в этой области – дело ближайшего будущего.

В этнографические различия Ламанский не вкладывал того психологического содержания, которое есть в интерпретации Данилевского, считавшего главной психологической чертой романских и германских народов насильственность. «Сверх разности возрастов, – замечал Ламанский, – западно-европейская и славяно-русская образованность отличаются еще разностью своего внутреннего, историко-этнографического содержания и неодинаковостью привзошедших в них стихий. Внутренний состав славяно-русской образованности отличается гораздо большим разнообразием; славяно-русская же образованность гораздо больше романо-германской подвергалась разным историко-этнографическим влияниям» [28, с. 129]. Причиной нравственных различий, полагал Ламанский, стал отход западного христианства от идеалов братства и любви. Православие же сохранило принцип соборности, воспринятый славянофилами в качестве социального идеала. «Для мира православного, – пояснял Ламанский, – немислима свобода без единства и единство без свободы. Его высшее требование – сочетание двух необходимых условий для постижения истины: свободы и единства в верховном начале братства и любви. Истина только может быть передаваема людям в свободе и сохраняется в единстве братства, любви» [28, с. 135]. «Последнее отличие западно-европейской и славяно-русской образованности, – продолжал он, – заключается, если можно так выразиться, в разности школьных, дисциплинарных средств или образовательных орудий» [28, с. 135]. Здесь Ламанский имел в виду использование латинского языка в богослужении католическими народами Запада и национальных языков православными народами греко-славянского мира, которое сказывалось на статусе языка как образовательного средства в широком смысле.

В работах середины 1860-х гг. Ламанский затрагивал и общее славянофильское понимание соотношения народа и государства, согласно которому не народ существует для государства, а государство для народа, в полной мере разделяемое и Данилевским. «Народность составляет поэтому существенную основу государства, самую причину его существования, – и главная цель его и есть именно охранение народности», – писал он в «России и Европе» [10, с. 187].

Темы бесед Ламанского и Данилевского, конечно, могли быть более разнообразными, чем те, что были отражены в публикациях, а их результатом, как можно предположить, стало то, что Данилевский зимой 1865 г. приступил к написанию своего главного труда – «России и Европы»¹.

ходит четырьмя столетиями исторический период жизни славянских государств. Так же точно и германская письменность, то есть первое зерно культурного развития – перевод Библии на готский язык Ульфилуою, пятью веками старше соответствующего ему славянского перевода свв. Кириллом и Мефодием» [10, с. 418].

¹ С.В. Селиверстов склоняется к мнению, что Ламанский познакомился с Данилевским, когда часть рукописи книги была уже готова, поэтому полагает, что знакомство, скорее всего, состоялось в 1866 г. [7, с. 119].

Наиболее раннее упоминание Данилевского в корреспонденции Ламанского, которое пока удалось обнаружить, относится к 1868 г., т.е. к тому времени, когда рукопись «России и Европы» была фактически завершена. Приведу свидетельства их общения в хронологическом порядке. 2 марта 1868 г. Ламанский направил А.Ф. Гильфердингу письмо несколько игривого содержания, иллюстрирующее неформальные отношения, сложившиеся между двумя славянофилами. В письме упоминается Данилевский, причем как их общий и, судя по тону письма, давний приятель.

«Любезный Александр Федорович. Так у Безобразова, по случаю кори у его детей, прекратились четверги, то Данилевский теперь может и желает приехать к Вам в нынешний четверг, чтобы послушать Ваше творение, а не лукубрацию, заметьте... Вы уже мне позволили при этом чтении присутствовать, потому я и решаюсь приехать вместе с Данилевским. На всякий случай, однако почитаем не лишним предварительно спросить у Вас, удобно ли Вам в этот вечер (на 4 неделе) устроить чтение?

Душевно приветствую и поздравляю Вас не с назначением нового (посмотрим, каков еще будет), а с падением старого министра. Таков удел прекрасного на свете. Однако, согласитесь, величественное и трогательное для сердца чувствительного, умилительное и поучительное для ума любознательного зрелище – это отставка такого высокопоставленного мужа, как красноречивого и изящного во всех отношениях маркиза.

Люблю предаваться философско-историческим размышлениям.

Так уведомите, Александр Федорович, и за шалости не кляните. Всю эту неделю я провозился с ячменем в глазу.

Ваш В. Ламанский» [30, л. 1].

О каком «творении» А.Ф. Гильфердинга идет речь в письме до конца не ясно. Из ученых произведений Гильфердинга или «лукубраций», как их не без иронии именует Ламанский, в 1868 г. вышло два тома его сочинений, а в журнале «Вестник Европы» была опубликована работа «История славян: Древнейший период истории славян», которая могла представлять интерес как для Ламанского, так и для Данилевского.

В скором времени Ламанский отбыл в научную командировку, продолжавшуюся больше года. Основную часть времени он провел в Венеции, собирая в архивах и библиотеках материалы об ускоках, по истории Венеции XV–XVIII вв. (прежде всего, истории политических убийств, социальному строю Венеции XVI в. и др.). Подготовка к печати архивных материалов и сопровождающих их исследований заняла пятнадцать лет. Итогом кропотливой работы стал почти тысячестраничный том «Государственные тайны Венеции», за присылку которого Данилевский благодарил в упоминавшемся письме. В конце 1868 г. Ламанский получил из Петербурга письмо Л.Н. Майкова, в котором он сообщал о начале издания журнала «Заря» и, в частности, отмечал, что «Страхов, между прочим, сильно рассчитывает на Вас и Миллера. Бестужев и Градовский дают статьи, кажется, чуть ли не для первой книжки. Кроме того, идет вещь Данилевского...» [36, л. 4, 4 об.].

Весной 1869 г. Ламанский извещал родителей: «Я недавно получил 2 Зарю, взял в Милан и оставил ее там. Быть может 1 глава Данил[евского] явится в итальянской печати; Бранка переведет с помощью Макушева,

который говорит отлично по-итальянски» [33, л. 83 об.], а в середине мая он писал Л.Н. Майкову о переводчике: «Он глубоко уважает Россию и живо интересуется всеми нашими географическими трудами, стал учиться по-Русски. В июньской книжке Rivista Contemporanea появиться статья La Russia ed Europa – перевод большого отрывка из 3 главы Данилевского. Перевод сделан Бранкою с помощью Макушева» [31, л. 13]. Из писем видно, что инициатором перевода фрагмента книги Данилевского был именно Ламанский.

Книга Данилевского, как известно, была холодно принята русским обществом и при жизни автора не пользовалась известностью. В конце мая 1869 г. А.С. Будилович (ученик и друг Ламанского) писал ему в Венецию, что «даже о статье Данил[евского] не было хороших отзывов – просто игнорируют» [34, л. 30].

После смерти Ламанского его дочь опубликовала часть переписки, включающую девять писем Ф.И. Тютчева, в одном из которых (1869 г.) поэт приглашал к себе Ламанского «к *осьми часам*». «Я просил бы вас предупредить об этом Данилевского, – писал Ф.И. Тютчев, – в котором, наконец, удалось мне встретить и приветствовать *ревнителя* в уровень с моими чаяниями и притязаниями. Куда как вполне убежденный человек стал в наше время редким и освежительным явлением» [29, с. 131]. Интерес Тютчева к Данилевскому был вызван журнальной публикацией «России и Европы».

По свидетельству жены Ф.М. Достоевского, в 1872 г. Ламанский вместе с Данилевским, Страховым, Майковым и др. (всего около двадцати человек) были приглашены на обед к писателю [12, с. 241]¹. В письмах И.С. Аксакову 1877 г. Ламанский часто упоминал о визитах к себе Данилевского, а позже, обсуждая планы издания газеты «Русь», спрашивал своего московского адресата: «А что Данилевский Николай Яковлевич? Будет ли Вам писать? Он в последнее время все работает над разбором Дарвина, но, конечно, и о Цареграде помышляет» [32, л. 144 об.]. Ламанский отмечал, что в 1877 г. он вместе с Данилевским был на вечере «у одного высокопоставленного лица, весьма крупного государственного человека», где «мы вместе с Данилевским и оба в один почти голос сказали, что больших успехов в решении восточного вопроса ожидать нельзя: вся его запутанность и сложность далеко не ясно представлялась сознанию наших самых замечательных деятелей» [39, л. 2 об.–3].

Любопытные свидетельства оставил ученик Ламанского И.И. Соколов, в период Русско-турецкой войны и Берлинского конгресса проживавший в семье графа Н.П. Игнатьева в качестве домашнего учителя его детей. Он подробно описывал семью известного дипломата, пересказывал мнения хозяина дома о происходящих событиях, а позднее о том, что Н.П. Игнатьев сообщал домашним в письмах из действующей армии и т.п. В письмах И.И. Соколов отмечал, что Н.П. Игнатьев называл себя славянофилом, интересовался статьями И.С. Аксакова, но не был знаком с книгой Данилевского. И.И. Соколов по собственному признанию «навязал

¹ «...друзья и поклонники Данилевского сами напросились к нам на обед» [12, с. 260].

ему прочтение книги Данилевского, за которую он меня благодарит и теперь внимательно читает. Волне соглашаясь с взглядами уважаемого автора «России и Европы», Н.П. находит только, что Н.Я. Д[анилев]ский в излишестве «примешивает» к политике естественные науки и воздерживается от разъяснения таких вопросов, которые сами-де собой слишком ясны, напр[имер], вопрос о Бессарабской окраине и Бессарабии вообще (когда говорит об окраинах вообще) [37, л. 24–24 об.]. «Как истинный “русопет” (как называет он себя и Н.Я. Данилевского, “Россией и Европой” которого восторгается, читая ее в настоящее время по моей просьбе, причем находит, что он встречает превосходно выраженными свои собственные взгляды и убеждения), Николай Павлович глубоко скорбит, что дела на конгрессе принимают такой неблагоприятный оборот», – отмечал корреспондент Ламанского [37, л. 22 об.].

После книги Данилевского И.И. Соколов дал Н.П. Игнатьеву на прочтение исследование Ламанского «Об изучении греко-славянского мира в Европе». Однако в письмах нет упоминаний о реакции дипломата. «Где теперь Н.Я. Данилевский – спрашивает Н[иколай] Павл[ович]. Сообщите, пожалуйста, добрейший Владимир Иванович», – переадресовывал И.И. Соколов вопрос Н.П. Игнатьева [37, л. 28 об.]. Воодушевленный общением с Н.П. Игнатьевым, И.И. Соколов обращался через Ламанского с призывом к славянофилам заняться не только филантропической деятельностью, но и сплотиться для пропаганды и агитации своих взглядов «среди нашего правительствующего класса, среди знати, вообще всех, имеющих власть» [37, л. 27 об.].

Из дошедшей до нас переписки видно, что Ламанский поддерживал с Данилевским связь до конца жизни русского ученого. При этом надо признать, что Данилевский все же не входил в близкий круг общения Ламанского, который составляли, пожалуй, только три человека: О.Ф. Миллер, И.П. Минаев и В.В. Стасов. Дружеские отношения связывали Ламанского с В.Г. Васильевским, Л.Н. Майковым, Д.Л. Мордовцевым, А.Н. Пыпиным и А.Н. Веселовским. Н.Я. Данилевского можно отнести, так сказать, к третьему дружескому кругу Ламанского, включающего Ф.Т. Тютчева, А.Ф. Гильфердинга, П.П. Семенова-Тян-Шанского, К.Н. Бестужева-Рюмина, М.А. Балакирева. Особые доверительные отношения сложились у Ламанского с некоторыми своими учениками.

Ссылки на Данилевского встречаются в текстах Ламанского не часто. Тем ценнее те редкие случаи, когда Ламанский высказывал свое отношение к автору «России и Европы». Например, в 1890 г., в рецензии на второй том «Истории русской этнографии» А.Н. Пыпина в ряду славянофилов он упоминал Данилевского, «которого высоко ценил и любил один из гениальных ученых нашего столетия К. Бер, отличали Академия Наук и Географическое Общество» [26, с. 232]. Учитель Данилевского К. Бер, по свидетельству Ламанского, также проявлял интерес к славяноведению. «Было время, – отмечал он, разоблачая подлинность Краледворской рукописи, – когда наша Академия Наук по крайней мере помышляла о привлечении к себе возможно большего числа славистов; еще академик Бер метко указывал на необходимость энергических мер в этом смысле» [20, с. 366, прим.].

Близость взглядов Ламанского и Данилевского не ограничивалась темами, затронутыми в цитировавшихся публикациях 1865–1867 гг. Более поздние тексты Ламанского, прежде всего, докторская диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», лекционные курсы и некоторые другие работы дают материал для проведения содержательных параллелей. Конечно, можно предположить, что совпадения являются следствием знакомства с книгой Данилевского. Однако мы не видим буквальных повторов идей Данилевского в работах Ламанского. Это, скорее, развитие общего круга идей, разновидности одной и той же идеологической программы. К таким идеологическим аксиомам относится критика общечеловеческой культуры.

Так, Ламанский указывал на закрепившуюся в русской литературе мысль о том, что образованность должна быть одна, что европейская культура является общечеловеческой, что самобытной русской образованности не существует. «Но это мысль не исторически выработанная, – замечал он в лекциях, – по истории неверная и потому не может быть принята наукой. Все образованности, как индийская, египетская, римская, греческая, при своей общечеловечности, были в то же время глубоко-национальны. Следовательно, вопрос становится уже таким образом: *если русская образованность не будет национальною*, то у нас, значит, совсем ее не будет. Отвергать возможность русской цивилизации, образованности могут только те, которые не вдумывались, не проникали в суть истории, не всматривались в отношения разных факторов и агентов, двигавших образованность и цивилизацию у различных народов» [18, с. 37].

Критика общечеловеческой культуры, которая, согласно Данилевскому, есть понятие не реальное¹, в интерпретации Ламанского поясняется через соотношение рода и вида, т.е. практически в терминах Данилевского. Отказ от национальной культуры и признание только «всеобщей человеческой образованности» противоречит классификационным принципам самого новейшего мышления. «Оно все одно и так же умно, как если бы сказать, что национальностей нет, ибо есть человечество, нет видов, ибо есть род, нет разновидностей, ибо есть вид», – заключал Ламанский [25, с. 16]². Сами носители культуры сознают национальные отличия своей образованности от других культур. Рассуждая об этом, Ламанский фактически воспроизводит перечень культурно-исторических типов, приводимый Данилевским. «До сих пор, – писал он, – все мыслящие и образованные люди всех стран и народов, за исключением, быть может, некоторых европействующих россиян, всегда думали, что были, есть и будут культуры или образованности национальные. Так, все кое-что знают и говорят о культурах индийской, египетской, китайской, иранской, греческой, римской, новой христианской, западноевропейской, которая в своем дальнейшем развитии при всей своей общности и первоначальном единстве, распалась в свою очередь на несколько национальных

¹ «Все-таки, понятие об общечеловеческом не только не имеет в себе ничего реального и действительного, но оно уже, теснее, ниже понятия о племенном или народном» [10, с. 103].

² Ср.: «Человечество и народ (нация, племя) относятся друг к другу, как родовое понятие – к видовому; следовательно, отношения между ними должны быть вообще те же, какие вообще бывают между родом и видом» [10, с. 101].

культур. Любому умному французу, немцу, итальянцу, англичанину ощутительно и понятно различие образованностей и культур французской, немецкой, итальянской, английской» [25, с. 18–19]. Разделяя общую славянофильскую точку зрения, Ламанский, как и Данилевский, полагал, что реальной творческой силой является народ, поэтому и созданная им культура может быть только народной, национальной. По его словам, «национальные культуры, обнимающие не одну научную, но и разнообразные стороны деятельности народной, существовали, существуют и одни только и возможны в истории; общечеловеческое же начало проявляется в них во всех, поскольку в разновидностях выступают общие свойства вида, не более и не менее» [25, с. 21–22].

Признание творческой силой народа, объясняет почему славянофилы и, в частности, Ламанский выступали против политики русификации. Отрыв от народных корней, прежде всего языка, обесценивает культуру. Обезнароденная интеллигенция, не знающая и не ценящая свою собственную культуру, будет столь же презрительно относиться ко всякой иной культуре, т.е. будет выступать как антикультурная сила. Наблюдая политику омадьяривания в Венгрии немцев и славян и отмечая, что «мадьяроманы» являются «страшными гонителями всех не мадьяр», Ламанский признавался в письме родителям 7 (19) августа 1862 г. из Будина: «Впрочем, ни один русский не способен так презирать и ненавидеть другие, чужие народы. Избави нас бог от такого дикого, *преступного*, безобразного патриотизма» [11, с. 42]. Данилевский, в свою очередь, возвел на уровень закона (четвертый закон культурно-исторических типов) требование сохранения этнического разнообразия в качестве условия творческого развития культуры¹. Лучшим заслоном от процессов ассимиляции, полагал он, является политическая форма, когда каждый народ имеет свое отдельное государство или автономию в рамках федерации. Соглашаясь с ним, Ламанский все же несколько корректировал свою точку зрения, заявляя, что «сколь угодно самостоятельное развитие культуры, образованности... решительно невозможно без политически-национальной независимости и даже известного государственного могущества» [14, с. 415]. Иными словами, политическая независимость, являясь необходимым условием развития культуры, еще не гарантирует ее самобытность.

Наибольшее неприятие в либеральной среде русского общества, как известно, вызвал тезис Данилевского: чем хуже для Европы, тем лучше для России и славянства. Данилевский же пояснял, что пока Европу разделяют конфликты, Россия и славяне могут жить спокойно, но как только Европа замирится, она начнет объединяться и первыми на кого она нападет единая Европа, будут славяне. «Европа, – писал Данилевский, – не случайно, а существенно нам враждебна; следовательно, только тогда, когда она враждует сама с собою, может быть она для нас безопасна» [10, с. 376]. Близкие по смыслу «макиавеллистские» рассужде-

¹ «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств» [10, с. 77–78].

ния можно встретить и у Ламанского. В 1884 г. он, например, писал: «В этом отсутствии внутреннего согласия и единства в Западной Европе я вижу наилучший залог мира для отечества нашего, в дружбе которого не могут таким образом не нуждаться разнообразные европейские государства, имеющие каждое у себя и без нас много врагов. Занятая своими делами, сторонясь от разных западных международных вопросов, Россия, по моему мнению, может и должна извлекать себе выгоды из такого положения Европы. Нам всего нужнее, чтобы никто из них с нами не враждовал и в особенности не угрожал нам. Но для нас скорее хорошо, чем дурно, если общие друзья наши имеют свои счеты и живут между собою не в ладах» [25, с. 22–23]. Впрочем, надо признать, что подобные рассуждения Данилевского и Ламанского были, скорее, актуальной политической риторикой и итогом исторических наблюдений, а не мировоззренческим принципом.

Еще одной общей темой, которой посвятили свои рассуждения Данилевский и Ламанский, являлась гибель европейской цивилизации. Не они были зачинателями подобной культурфилософской эсхатологии. Данилевский посвятил этой теме главу в «России и Европе» с очень характерным заглавием: «Гниет ли Запад?» [10, с. 136–144], приходя к выводу, что Европа не гниет, но в XIX в. завершается период ее цветения и плодоношения. Ламанский же в диссертации обратился к европейской историографии, показывая, как в ходе полемики немецкая наука, критикуя романскую культуру, хоронит всю Европу. «Таким образом, – подводил он итог дискуссии, – европейская цивилизация, и средневековая, и новая, есть плод общих, совокупных усилий романских и германских народностей. Если справедливо, как утверждают очень многие немецкие писатели, что латинская, романская стихия истощилась, гибнет, вымирает, то необходимо согласиться, что оскудевает, беднеет, истощается европейская цивилизация вообще. В ней значит пропадает один из самых главных деятелей и факторов. Очевидно, в таком случае, европейская цивилизация должна стать гораздо тоще, беднее и одностороннее... Если романская стихия вымирает, то какой же после того смысл в известном положении об общечеловечности европейской цивилизации, будто де ей и ее царствия не будет конца. Но ведь было начало, отчего не быть и концу? Были и погинули индийская, ассирийская, египетская, греческая и римская цивилизации. Отчего бы не могла наконец погибнуть и европейская?» [21, с. 239]. «Следовательно, – продолжал он, – и они [европейские народы. – А.М.] должны иметь свой конец, как имели свое начало, и как имели свои начала и концы многие сильные нации и государства древнего мира. Вопрос относительно Европы может касаться только времени наступления этого конца и большей или меньшей его близости к нашему времени» [21, с. 241]. Ламанский указывал и на причины, которые, по его мнению, приводят Европу к гибели. Это причины религиозные, политические и социальные. К религиозной причине он относил деморализацию народа из-за утраты ценностей, «признаваемыми объективными и для всех обязательными», т.е. ценностный релятивизм. К политической причине относятся частые насильственные перевороты, расшатывающие устои общества и провоцирующие политическое дробление и насилие. Социально-экономическая причина упадка Европы вызвана развитием капитализма, которое приво-

дит к распространению социалистических идей и связанных с ними экономических теорий.

В отличие от ранних славянофилов Данилевский и Ламанский гораздо более скромное место отводили религии в качестве исторической и культуросозидающей силы. Для Данилевского религия, понимаемая в широком смысле как народное мировоззрение, как представление людей о высшем существе, была лишь одной из основ культурно-исторического типа. Ламанский же, по существу, признавал только два важнейших условия выработки самобытной культуры: политическая независимость и богатый литературный язык.

Совпадение взглядов Ламанского и Данилевского является не только результатом их взаимного общения, но и ориентацией на учение славянофилов, последователями которых признавали себя оба мыслителя. Литературное и философское наследие ранних славянофилов, в следствие цензурных и прочих ограничений, оказалось значительно скромнее тех возможностей, которыми обладали представители этого направления. Никто из них не предпринял последовательного и завершенного изложения славянофильского учения, а многие работы славянофилов и вовсе остались не оконченными. Сторонники славянофилов обладали значительной свободой в развитии высказанных их предшественниками идей. «У этой школы, которую у нас принято называть славянофильской, – констатировал Ламанский, – никаких догматов своих и особенных, кроме догматов православных, в заводе не было. Все крупные ее представители необычайно дорожили наукою и безусловно для нее необходимую свободу человеческой мысли. Никогда этим замечательным деятелям и писателям и на ум не входило – все они почти преждевременно, а некоторые и слишком рано, к несчастью для русского просвещения, сошли в могилу, – давать предписания на будущие времена, как нам поступать, при изменившихся обстоятельствах...» [24, с. 214–215]. Ламанский и Данилевский разрабатывали свои версии славянофильского учения, в чем-то продолжавшие идеи ранних славянофилов, в чем-то, напротив, с ними расходившиеся. Теория культурно-исторических типов Данилевского стала впоследствии наиболее востребованным вариантом так называемого позднего славянофильства. Данилевский был более смел в теоретических построениях и радикален в обобщениях, чем Ламанский, который придерживался, скорее, историографической линии изложения своих взглядов. Для Ламанского это была сознательная позиция. В одном из писем И.С. Аксакову (29 октября 1880 г.) он признавался: «Мое всегдашнее правило, чем мысль дерзче или смелее, тем незаметнее ее пропускать. Тут своего рода невинное лукавство» [32, л. 143]. В то же время, Ламанский был лучше знаком с реальным положением современного славянства, владел славянскими языками, хорошо знал славянскую интеллигенцию, поэтому был менее склонен к крайним выводам, питал меньше иллюзий на счет братских народов. В отличие от Ламанского Данилевский лишь однажды покидал Россию, чтобы познакомиться со средствами борьбы с филлоксерой, применяемыми в Европе. Поездка эта продлилась около месяца. Его знания о славянах носили, скорее, книжный характер. Расхождение взглядов Ламанского и Данилевского может представлять даже больший интерес, чем отслеживание их совпадений.

Пожалуй, наиболее существенное из них – это разное видение политических перспектив славянства. Воспринимая славян в качестве цивилизационной общности, они расходились в понимании политического устройства этой цивилизации. Данилевский неоднократно озвучивал свой принцип: один народ – одно государство. Для него славянский культурно-исторический тип должен принять государственно-политическую форму Всеславянского союза [10, с. 327–336]. Ламанский же, напротив, полагал, что множество небольших государств дают множество слаборазвитых и не самостоятельных культур. Плодотворная культура – достояние большого государства, объединяющего многие народы и территории. В рукописи «Проекты Славянских федераций» он уточнял: «Мы отнюдь не принадлежим к поклонникам малых государств или федеративной формы государственного союза. Мы полагаем даже, что она отжила свой век в Европе... Государство для народа есть форма, внешнее средство для достижения известных нравственных целей... Малые государства оказываются теперь все более и более неудобными, вымогая у народа непроизводительные траты на содержание маленьких дворов, правительств, войск, мешая им принимать участие в делах общей важности» [38, л. 5–5 об.]. У народов, проживающих в малых государствах, формируется узкий кругозор; система образования в таких государствах страдает определенными недостатками и даже откровенным провинциализмом; в обществе не редко складывается искаженное восприятие истории и т.п. В качестве скрытой полемики с Данилевским звучат слова Ламанского в неоконченной, но принципиальной для него статье (а по объему, фактически, монографии) «Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках» (1875). «Впрочем, – писал он, – доставление независимого материального положения каждой личности должно даже быть необходимою целью всех христианских образованных обществ. Политическая же независимость всех отдельных племен и народов никогда не была и по счастью не будет такою общею необходимостью. Для множества человеческих племен и народов она была и навсегда останется излишнею роскошью, без которой и они сами, и человечество легко могут обойтись. Государственная самобытность и мощь, как достояние немногих избранных племен и народов, есть великое орудие цивилизации. Но если б можно было вообразить себе эту государственную самобытность уделом всех разнообразных племен и народов, то мы имели бы в ней один из величайших тормозов цивилизации. Невозможность совпадения государственных пределов с этнографическими всего лучше обличает тесную внутреннюю связь и зависимость самобытного государства от своеобразной культуры. Без более или менее обширной территории, без разнообразия племенных стихий, без исключительного предпочтения одного языка перед иноплеменными, одного наречия перед родственными, внутри данной территории, никогда бы не могла развиваться ни одна из великих исторически известных национальностей» [14, с. 417]. Примечательно, что в этой работе Ламанский не ссылается на книгу Данилевского и создается впечатление, что делает это умышленно.

Согласно второму закону культурно-исторического типа, сформулированному Данилевским, развитие культуры невозможно без политической независимости, т.е. сначала отдельное государство, а потом – самобытная культура. Ламанский же настаивает на взаимозависимости государства и культуры. Как не может быть самобытной культуры без госу-

дарства, так и сильное государство не может существовать без развитой культуры. «Самостоятельная государственность и выработанный литературный язык – вот два необходимых признака великой исторической национальности», – настаивал Ламанский [14, с. 417] и далее уточнял, что «государственная мощь и величие суть все же по преимуществу торжество внешних и внутренних сил в совокупности» [14, с. 418]. Иными словами, государство олицетворяет внешнюю силу, культура (язык) – внутреннюю. Более того, если Данилевский воспринимает цивилизации как уже сложившиеся единства, как замкнутые культурно-исторические миры, то Ламанский видит в распространении языка динамическую тенденцию цивилизации, возможность культурно-исторической экспансии. Учение о языковой гегемонии перерастает у него в доктрину о языке как геополитической силе. Без преувеличения можно сказать, что учение о языке становится главной мыслью Ламанского, проходящей через все его творчество. «Распространение языка известного народа вне пределов его отечества не находится ли в тесной связи с распространением умственного влияния этого народа на те страны, в которых принимается этот язык?», – вопрошал он в первой своей монографии [17, с. 120]. Соперничество цивилизаций, полагал он, перерастает в конкуренцию языков, т.е. культур, приходящей на смену военному и экономическому доминированию. Языки как орудия образованности и области производства смыслов становятся ареной борьбы.

Опираясь на анализ языковых процессов, происходящих в культуре, Ламанский по-иному, нежели Данилевский, оценивал положение романо-германского культурно-исторического типа. Если Данилевский воспринимал европейскую цивилизацию единой в своих устоях, то Ламанский не считал ее окончательно сложившимся культурным монолитом. Он видел борьбу, которая происходит в романо-германском мире и предвидел ее исход: господство англосаксов в Европе и Северной Америке, т.е. торжество англосаксонской версии западной культуры, поскольку наступает период доминирования английского языка. Англосаксы не только не оставят германской и французской культурам места за пределами Европы, но и потеснят испанский язык в Южной Америке. Центр западного мира, отмечал Ламанский, переместится в Северную Америку. К таким выводам он приходил исключительно в результате наблюдения над теми тенденциями, которые происходят в языковой политике.

В те же годы, когда Данилевский работал над книгой «Россия и Европа», Ламанский готовил докторскую диссертацию. Его планы несколько раз менялись: вначале он намеревался написать диссертацию о «Законнике» Стефана Душана, затем об ускоках; И.И. Срезневский предлагал ему представить в качестве диссертации цикл статей «Непопущенный вопрос». В итоге диссертацией стало историографическое исследование «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», содержащие философско-исторические обобщения, как близкие идеям Данилевского, так и прекословящие им. В начале диссертации Ламанский упоминал о «мало у нас понятом и тем менее оцененном труде “Россия и Европа”» [21, с. 11].

Противопоставляя славянский культурно-исторический тип романо-германскому, Данилевский во многом идеализировал славян, считая основной психологической чертой славян мягкость, ненасильственность,

почтительность, усматривая в русской истории преимущественно мирный характер распространения христианства и не завоевательный, а колониционный характер образования государства. В одном из примечаний в диссертации Ламанский явно оппонировал Данилевскому, указывая на такие явления русской истории и жизни, которые с трудом согласовывались с убеждениями Данилевского. «Тем не менее мы не думаем, что русский народ совершенно чужд насильственности... – замечал Ламанский, – Насильственность есть одно из дурных общечеловеческих свойств... Самообольщение вредит и научному изучению отечественной истории и практической деятельности. Не вредно ли, в самом деле, утешать себя и других в гуманности нашей, в отсутствии у нас смертной казни, в демократичности строя нашего государства, при существовании *податных* и *неподатных* сословий, при особенностях нашей военной повинности, при... при той остановке и реакции, которая у нас в значительной степени наступила с закрытия крестьянских комиссий. Что же касается мнения о том, что Россия государство и народ не завоевательные, то оно противно понятиям исторического народа и государства. Впрочем, как буду иметь случай показать, самообольщение о мягкости и незавоевательности своего народа есть одно из общих свойств патристического увлечения всех исторических народов мира. Такое самообольщение, впрочем, много говорит в пользу души человеческой, не желающей мириться с тем безумством, обманом и насилием, с теми зверствами, преступлениями и пороками, которыми кишит печальная история человечества. Впрочем, я не думаю отрицать степеней насильственности, которые зависят от многих разнообразных условий: большей или меньшей высоты просветительного начала того или другого народа, его общественного быта и государственного строя, его умственной образованности, духа времени и пр.» [21, 152–155, прим.].

К наиболее наглядным отличиям учений Ламанского и Данилевского относится использование разной терминологии. Еще в одной из первых своих статей «О распространении знаний в России» Ламанский обратился к понятию *греко-славянский мир*, которое стало центральным в его концепции трех цивилизационных миров. Вот как он пояснял это понятие в 1857 г.: «...мир греко-славянский, то есть Россия, ее единоверцы и соплеменники, и те иноплеменные государства, которые и по этнографическому составу своему и по своим историческим судьбам принадлежат более к миру восточно-европейскому, чем западному, именно Турция, Австрия и прежняя Венеция. Сюда же входят те инородцы и иноверцы, судьбы которых тесно соединены с судьбами России и остального мира славянского, а именно литовцы, албанцы, финны и другие народы азиатские» [23, с. 33]. Ламанский не был автором этого термина. В одном из лекционных курсов он признавал, что «средний мир называется *греко-славянским* миром, и это название применено впервые не нами, а на западе некоторые французские и немецкие ученые называли его так еще в 30-х годах» [18, с. 28]. Позднее он в качестве синонима стал использовать понятие *средний мир*, которое с большим правом можно считать его нововведением, но никогда не употреблял выражение «культурно-исторический тип». Выше уже упоминались другие терминологические модификации, встречающиеся у Ламанского, например, *всемирно-исторический вид* или *нация*. Понятие нации он использовал в более

широком смысле, подразумевая под ней не только политическую нацию, но и культуросозидающую силу, первым показателем которой является богатый литературный язык. Нация, полагал он, в отличие от народности обладает творческой мощью. «Различие это условное, – уточнял Ламанский в одном из лекционных курсов. – Нация выше народности; не все народности могут называться нациями, как не всякое наречие может быть культурным языком. Между ними есть существенные различия с исторической и культурной точки зрения. (Но все народы с антропологической точки зрения и все языки с исторической – представляют совершенно одинаковый интерес). С исторической точки зрения только те народы имеют право носить название нации, которые представляют из себя самостоятельное политическое тело и обладают развитой литературой» [18, с. 23–24].

* * *

Подводя итог сравнению взглядов Данилевского и Ламанского, можно признать влияние, которое, скорее всего, было взаимным. Лекции и публикации Ламанского 1864–1867 г. уже содержали ряд идей (независимое государство и развитый литературный язык как условие становления самобытной культуры, различие исторического возраста народа и др.), затем вошедших в книгу Данилевского. Тексты Ламанского были опубликованы в ту пору, когда Данилевский еще только помышлял о своей книге. Однако открытым остается вопрос о том, насколько уникальными были рассуждения Ламанского, можно ли приписать ему исключительное авторство этих мыслей. При этом сам петербургский профессор никогда не настаивал на первенстве своих идей, высоко оценивая книгу Данилевского, но так и не перешел на терминологию Данилевского, хотя порой неявно воспроизводил его высказывания. По наблюдению С.В. Селиверстова, начало трактата Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) фактически является цитатой из «России и Европы» Данилевского [7, с. 121]. Во второй половине 1860-х гг. Ламанский и Данилевский параллельно работали над своими книгами: «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» и «Россия и Европа». Первоначально опубликованы они были в журнале «Заря»: в 1869 г. книга Данилевского, а в 1870 г. – Ламанского. Пока сложно точно сказать, когда Ламанский завершил работу над диссертацией. Вернувшись из заграничной командировки в 1869 г., он почти сразу приступил к печати журнальной версии диссертации. Основное время, проведенное Ламанским в Италии, было посвящено другим исследованиям, поэтому можно предположить, что большая часть диссертации была уже готова к 1868 г., т.е. в то же время, когда и Данилевский завершил работу над «Россией и Европой». Отдельным изданием сочинения Данилевского и Ламанского вышли так же в один год – 1871 г. Рассматривая европейскую, в первую очередь, немецкую публицистику и науку о славянах, петербургский профессор показывал то негативное отношение, которое сложилось в Европе о славянах вообще и о русском народе, в частности; вскрывал предвзятость европейской науки и общества, доходящую порой до совершенно диких мнений о России и русских. Однако критическая сторона книги Ламанского была подчинена другой цели: продемонстрировать самостоятельность греко-славянского мира, кото-

рый идет на смену романо-германской цивилизации. «Русский народ и вообще славянский мир призваны историею к великой самостоятельной будущности», – провозглашал Ламанский [21, с. 253]. С этим призывом в полной мере мог согласиться и Данилевский. В любом случае, совпадений в их взглядах было значительно больше, чем различий, которые, скорее, проявлялись в деталях, оттенках, которые В.А. Куприянов справедливо обозначает как литературный и политический панславизм [2, с. 146], а не принципиальных положений. В заключении можно сказать словами Ламанского, что пусть и не сразу, но благодаря трудам Данилевского и его собственным исследованиям, «новейшая вера в служебную и подчиненную европейским целям Россию была совершенно распатана и потрясена в сознании русского образованного общества» [27, с. 32].

Литература

И с с л е д о в а н и я

1. *Котов А.Э.* Петербургское славянофильство 1860–90-х гг. // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 123–133.
2. *Куприянов В.А.* Теория славянской взаимности в философии позднего славянофильства (В.И. Ламанский и Н.Я. Данилевский) // Русский логос: горизонты осмысления. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2 т. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, РХГА, 2017. С. 145–150.
3. *Лаптева М.П.* История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005.
4. *Медоваров М.В., Снежницкая С.И.* Россия между Востоком и Западом в геополитических концепциях русских мыслителей 80–90-х годов XIX века // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2021. № 19. С. 379–402.
5. *Панченко А.Б.* Наднационализм в эпоху национализма: цивилизационный подход от Н.Я. Данилевского до В.И. Ламанского // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 121–134.
6. *Саприкина О.В.* Историческое развитие славянских народов в информационном дискурсе российской славистики второй половины XIX в. // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 5. С. 272–291.
7. *Селиверстов С.В.* «...я смотрю несколько менее оптимистически»: к вопросу об интеллектуальных взаимоотношениях Н.Я. Данилевского и В.И. Ламанского в 1860–1880-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 116–125.

И с т о ч н и к и

8. *Гаммаро.* По поводу юбилея В.И. Ламанского (оттиск из «Славянских Известий»). Б. м., [1905].
9. *Грот К.Я.* Об изучении славянства. СПб.: типография Министерства путей сообщения, 1901.
10. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. СПб.: СПбГУ, Глаголь, 1995.
11. Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л.: АН СССР, 1948.

12. *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М.: Правда, 1987.
13. *Зигель Ф.Ф.* [Рец. на книгу:] Грот К.Я. Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и русских исторических изучениях. Пг., 1914 // Журнал министерства народного просвещения. 1915. № 4. С. 355–368.
14. *Ламанский В.И.* Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. СПб.: Издание Петербургского отделения Славянского комитета, 1875. С. 413–584.
15. *Ламанский В.И.* Вступительное чтение Доцента Петербургского университета В.И. Ламанского. М.: Тип. Бахметьева на Малой Дмитровке, 1865.
16. *Ламанский В.И.* Из записок о славянских землях. Сербия и южнославянские провинции Австрии // Отечественные записки. 1864. Т. 152. С. 649–702.
17. *Ламанский В.И.* Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1859.
18. *Ламанский В.И.* Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В.И. Ламанским за 1880–81 акад. год. [СПб.:] Литография Гробовой.
19. *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношении. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1865.
20. *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского) // Журнал министерства народного просвещения. 1879. Февраль. Ч. ССІ. С. 313–366.
21. *Ламанский В.И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: Тип. Майкова, 1871.
22. *Ламанский А.И.* О положении болгарских славянских дел с точки зрения историка и слависта // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 556–564.
23. *Ламанский В.И.* О распространении знаний в России // Современник. 1857. Т. LXIII. С. 1–46.
24. *Ламанский В.И.* Открытый ответ генералу Кирееву // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1888. № 4–5. С. 214–215.
25. *Ламанский В.И.* О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не было и не может быть. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1884.
26. *Ламанский В.И.* [Рецензия] Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. II. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб., 1891. IV + 428 стр. // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 218–233.
27. *Ламанский В.И.* Россия уж тем полезна славянам, что она существует // Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1876. С. 10–33.
28. *Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете. Часть I. Изучение славянства и русское народное самосознание // Журнал министерства народного просвещения. 1867. Ч. СXXXIII. С. 116–153.
29. Письма разных лиц к В.И. Ламанскому. Сообщены О.В. Покровской // Русская мысль. 1915. Кн. XI. С. 127–134.
30. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 274. Оп. 3. № 57. Л. 1.

31. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615. Л. 13.
32. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.
33. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.
34. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267.
35. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 509.
36. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 892.
37. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1309.
38. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 2, Ед. хр. 110.
39. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 152.

Malinov, Aleksey V. *From the history of St. Petersburg Slavophilism: N.Ya. Danilevsky and V.I. Lamansky*

References

1. Kotov, A.E. (2017), Petersburg Slavophilism of the 1860s–90s., *Khristianskoye chteniye*, no. 6, pp. 123–133 (in Russian).
2. Kupriyanov, V.A. (2017), The Theory of Slavic Reciprocity in the Philosophy of Late Slavophilism (V.I. Lamansky and N.Ya. Danilevsky), in: *Russkiy logos: gorizonty osmysleniya. Materialy mezhdunarodnoy filosofskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 25–28 sentyabrya 2017 g.* [Russian Logos: Horizons of Comprehension. Proceedings of the International Philosophical Conference, St. Petersburg, 25–28 September 2017], in 2 vols., vol 1, St. Petersburg: Intersotsis, RChHA, pp. 145–150 (in Russian).
3. Lapteva, M.P. (2005), *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX v.* [History of Slavic Studies in Russia in the 19th century], Moscow: Indrik (in Russian).
4. Medovarov, M.V., & Snezhnitskaya, S.I. (2021), Russia between East and West in the Geopolitical Concepts of Russian Thinkers of the 80–90s of the 19th century, in: *Trudy Nizhegorodskoy Dukhovnoy seminarii*, no. 19, pp. 379–402 (in Russian).
5. Panchenko, A.B. (2020), Supranationalism in the Age of Nationalism: Civilization Approach from N.Ya. Danilevsky to V.I. Lamansky, *Tetradi po konservatizmu*, no. 3, pp. 121–134 (in Russian).
6. Saprikina, O.V. (2014), Historical Development of the Slavic Peoples in the Information Discourse of Russian Slavistics of the Second Half of the 19th century, *Lyudi i teksty. Istoricheskiy almanakh*, no. 5, pp. 272–291 (in Russian).
7. Seliverstov, S.V. (2009), “...I look somewhat less optimistically”: On the Intellectual Relationship Between N.Ya. Danilevsky and V.I. Lamansky in the 1860s–1880s, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 32 (170), History, issue 35, pp. 116–125 (in Russian).